

Александр Косарев

Заметки кладоискателя

Выпуск №21

Александр Косарев

Заметки кладоискателя.

Выпуск №21

«Издательские решения»

Косарев А. Г.

Заметки кладоискателя. Выпуск №21 / А. Г. Косарев —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-839505-5

Известный во многих странах автор и исследователь загадок исторических кладов Александр Косарев представляет вашему вниманию свои небольшие и доступные любому читателю сборники, названные им «Три рассказа». В каждом выпуске будет как раз по три увлекательные истории, посвящённые розыскам давно исчезнувших сокровищ.

ISBN 978-5-44-839505-5

© Косарев А. Г.
© Издательские решения

Содержание

Дело о «гребешках»	6
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Заметки кладоискателя Выпуск №21

Александр Григорьевич Косарев

АЛЕКСАНДР КОСАРЕВ

ТРИ РАССКАЗА

(Выпуск №21)

© Александр Григорьевич Косарев, 2017

ISBN 978-5-4483-9505-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Известный во многих странах автор и исследователь загадок исторических кладов Александр Косарев представляет вашему вниманию свои небольшие и доступные любому читателю сборники, названные им «Три рассказа». В каждом выпуске будет как раз по три увлекательные истории, посвящённые розыскам давно исчезнувших сокровищ.

Дело о «гребешках»

Я по жизни много раз зарекался никогда более не заниматься кладоискательскими историями и неизбежно связанными с данным видом деятельности рискованными поисками. Честно! Всё, – говорил я сам себе, – вот расследую до конца очередную запутанную легенду и, пожалуй, что хватит! В самом деле, сколько можно с риском для жизни мотаться по стране и окрестностям, будто бы нарочно выбирая для «прогулок» самые непроходимые уголки и тропки планеты? Уже вроде как не молодой юноша, пора бы себя малость и поберечь. Кажется, уж куда только не забирался, в какие только авантюры не ввязывался, в каких только оврагах не копался и болотах не бултыхался, пора бы и честь знать. Но видно от судьбы не уйдёшь. С завидным постоянством, буквально из ниоткуда рядом со мной словно по чьему-то заказу всплывают всё новые и новые легенды, рассказы, и документы, связанные с теми или иными историческими кладами. Вот и данная история, поставленная мной в заглавный раздел этой книги, и которую я, не долго думая, назвал **«Дело о гребешках»**, возникла на абсолютно ровном месте. Начиналось всё так...

В конце ноября 200N-го года на мой почтовый адрес пришло письмо из Санкт-Петербурга. Совершенно незнакомый мне г-н «П» предлагал осуществить совместные действия по розыску весьма крупного и ценного захоронения, о котором я среди прочих историй написал в одной из своих книг. Я, разумеется, ответил в том духе, что ближе к лету будет виднее, и отправил ответ в тот же день, не особо рассчитывая ещё раз увидеть перед собой адрес незнакомца.

Но он написал вновь, видимо, всерьёз рассчитывая укрепить заочное знакомство. И вскоре мне стало понятно, что его волнуют не столько будущие совместные походы, сколько другое, более старое дело, которому он ранее явно посвятил довольно-таки значительное время. Вот как он написал о нём: – *«Несколько лет назад я работал в архивах Минска, Смоленска, Москвы. В СПб (Санкт-Петербургском) архиве нашёл дело о двух бочонках монет у г. Красного. Известно ли оно Вам? Несколько поездок туда не дали результата, хотя на старых картах я нашёл это место и определил его на месте точно. Тем более что осталась дорога, речка, где была мельница, всё точно...»*.

Никакой такой «бочечной» истории произошедшей именно вблизи г. Красный я не знал, но, прекрасно понимая, что человек деликатно обращается ко мне за помощью, или как минимум за консультацией, осторожно выразился в том смысле, что причин, по которым он не отыскал вожаденные бочонки, могло быть всего две. (Самая главная причина, состоящая в том, что обе бочки были извлечены из земли ещё 200 лет тому назад, т.е. сразу после Первой Отечественной войны в данном контексте даже не рассматривалась).

– Первая причина, – утверждал я в следующем письме, – может заключаться в том, что Ваш поисковый прибор просто не может вытянуть электронный сигнал отклика от слишком глубоко зарытых монет. Но, написав данную фразу, я одновременно с этим незамедлительно провёл анализ исторической обстановки, и особенно температурного фона, который в значительной мере диктовал поведение людей в то далёкое время. Для этого я перечитал небольшой отрывок из дневника бравого адъютанта Кастеллана, бывшего во время Русской кампании в подчинении у генерала Нарбона, который сам состоял в адъютантах у Наполеона. Написаны эти строки как раз в то время, которое соответствует примерной дате сокрытия 2-х бочонков.

«12 Ноября. Обоз с казной готовится к выступлению на следующее утро. Всю ночь идёт ковка лошадей. Коленкур, отвечавший за обоз лошадей, приказал сжечь много экипажей и повозок в соответствии с числом наших лошадей, такую предосторожность он предпринял уже один раз, 10 дней назад.

700 человек вестфальцев под командой Жюно, большой артиллерийский парк и 500 человек безлошадных кавалеристов выступили по дороге на Красный. Отправлен обоз маршала Нея и генерала Маршана под охраной 40-а человек».

«Холодно (-17 градусов) и северный ветер. У комиссара по провиантской части мне удалось выменять мешок муки для наших людей. Я отлично сплю на моей медвежьей шкуре, которая пока ещё у меня».

«Четвёртый день пребывания в Смоленске. Наши лошади без пищи, и служители (имеются в виду конюхи) отправились в фуражировку за одну милю отсюда; преследуемые казаками они ничего не принесли. Из Дорогобужа 4-й корпус свернул на витебскую дорогу; он прибыл в Смоленск, бросив всю артиллерию. Всё время после полудня слышна пушечная пальба. Вечером дерутся около Смоленска. Холодно, но сухо. Мороз так силён, что говорят он достигает 28 Градусов С».

Последняя фраза меня сильно насторожила. Не понаслышке зная о том, что делается с землёй даже при минус 17-и градусах Цельсия, не говоря уже о 28, я написал в своём ответе, что просто так, не подготовив землю длительным разогревом, нечего было и думать зарыть два бочонка на такую глубину, чтобы их не смог бы обнаружить прибор г-на «П».

– Скорее всего, – сделал я обоснованное предположение, – бочки с червонцами французы зарывали на очередном привале, когда бивуачные костры хорошенько разогрели землю. Но кто же ночует прямо на дороге, тем паче вблизи какой-то мельницы?! Вдоль рек лежал глубокий снег, а отступающие французы были вовсе не самоубийцами и свои стоянки устраивали, как правило, на опушках лесов (там, где было топливо) или в деревнях. Непосредственно около воды не ночевал никто, а если кто и ночевал, то наутро уже не поднимался – замерзал насмерть.

Так выявилось первое противоречие, которое вызвало во мне определённую профессиональную настороженность. Я мог лишь предположить, что там, где зарыли монеты, никакой ночёвки не было. А раз её не было, то костры там не жгли. Если же не было костров, то закопать что-то значительное по размерам можно было лишь на очень небольшую глубину. К тому же для того, чтобы ответственные лица решились спрятать столь значительные ценности, должна была быть веская причина. Такая причина действительно могла возникнуть, поскольку именно на подъездах к г. Красному в те дни творился подлинный хаос. Вот как описывает кошмарные события, происходившие вечером 15 ноября 1812 г. (н. с.) в лосминском овраге, генерал Великой армии Булар.

«... немного далее этого места находился овраг, через который мы должны были пройти по перекинутому через него мосту, упиравшийся на противоположном берегу в целый ряд возвышенностей, которые нам надо было преодолеть. Благодаря этому узкому переходу, здесь произошло страшное скопление всякого рода экипажей. Прибыв сюда вечером, я тотчас увидел полную невозможность перейти через овраг сейчас же и поэтому отдал приказ остановиться и покормить людей и лошадей. Генерал Киржине (гвардейского инженерного корпуса), командовал моим конвоем. После трёхчасового отдыха мне донесли, что движение экипажей приостановлено, и движение через мост прекращено, т.к. невозможно проникнуть через скопившиеся здесь экипажи. Зная критическое положение, в котором я находился благодаря близости казаков к моему левому флангу, и, зная, что они уже опередили меня, я решился двинуться вперёд и проложить себе силой дорогу сквозь эту беспорядочную кучу экипажей. Я отдал приказ, чтобы все мои повозки следовали бы друг за другом на самом близком расстоянии без перерыва, чтобы не быть разъединёнными, и сам встал во главе колонны.

Мои люди силой убрали с дороги экипажи, мешавшие нашему проходу, и опрокидывали их; мои собственные повозки тронулись, расширяя путь, проложенный нами, и продвигались вперёд, давя и разбивая всё, попадалось на их пути, и ни крики, ни вопли, ни плач, ни

стоны, ничто не замедлило хотя бы на миг их движения. Наконец, после тысячи приключений, голова колонны достигла моста, который пришлось так же очистить, и пробились сквозь бывшее здесь загромождение. Правда теперь путь был свободен, но здесь дорога круто шла вверх, и земля вся обледенела! Я велел колоть лёд, взять землю с придорожных боковых рвов и набросать её на середину дороги. Подавая сам пример, я приказал тащить повозки за колёса, чтобы хоть каким-нибудь образом втащить экипажи один за другим на вершину. Двадцать раз я падал, то взбираясь, то спускаясь с холма, но благодаря сильному желанию достичь цели, меня это не останавливало. За час до рассвета, вся моя артиллерия была уже на вершине; конвоя со мной уже не было (он достиг Красного)».

Вторая же причина неудачи «П» (и, на мой взгляд, самая вероятная) заключалась в том, что он взялся искать нечто там, где ничего подобного не было изначально! Однако, поскольку я по-прежнему не знал об этой истории абсолютно ничего, то откровенно высказал предположение, что мой корреспондент просто неправильно выбрал точку для поисков. А искать чёрную кошку в тёмной комнате, особенно если её там нет – занятие абсолютно бесперспективное.

Видимо мои доводы оказались достаточно убедительными и ленинградец наконец решился несколько приподнять полог тайны и в очередное послание вложил два листка ксерокопий, на одном из которых было описана часть того самого дела о таинственном захоронении 2-х бочонков.

Вот что там было написано: *«От Смоленского Гражданского Губернатора получено мной донесение, объ открытии, по дошедшим до него слухамъ у Города Красного, у моста на дороге к Смоленску близъ Гребли, места въ которомъ зарыты будто бы вовремя бегства французовъ два бочонка золотой монеты, не менее трёхсот тысячъ червонныхъ.*

Открытие сие последовало по объявлению о семъ дворянина Царства Польского Ковалевского польскому же дворянину Петрашкевичу. Золото сие, по объявлению Ковалевского, везено было въ Октябрь (по старому стилю) 1812 года из дивизии французского Генерала Габерта за границу, и по служению тогда Ковалевского во Французской Армии, лично при нём было на том месте положено».

На документе в положенном месте была наложена следующая резолюция, подтверждающая, что власти отнеслись к неожиданному известию о солидном кладе со всей серьёзностью.

«Вновь повелено сообщить нашему (неразборчиво) чтоб он представил надёжному чиновнику произвести осмотр наличности и стараться открыть сумму сокрытого, будь подлинно от существующей». Ноября 23. 1819 г.

Ниже имелась ещё одна резолюция чиновника (рангом видимо помельче): *«Сообщить Губер (натору); что М. Ф. предоставлено (неразборчиво) исполнить надлежащее наблюдение за мостом (или местом), где находиться могут бочонки с червонцами. Но губернатор (неразборчиво) предостережение говорит: что зимою нельзя открыть клад (неразборчиво) просит нарядить караул: но летом караул нужен для того, чтобы деньги не (неразборчиво) (неразборчиво). Есть возможность и казённой земли схор...».*

Обстановка несколько прояснилась, хотя по-прежнему было совершенно неясно о каком именно месте идёт речь. Просто стала более понятна общая атмосфера, в которой в 1819 году в окрестностях Красного начинались поиски утраченных во время войны ценностей.

– Видимо, – додумывал я на ходу, – некий г-н Ковалевский, который совсем недавно служил при польской дивизии, уже через семь лет после выдворения французов за пределы России (т.е. когда несколько поутихли послевоенные страсти), озабочился отысканием спрятанного на его глазах очень богатого клада. Несомненно, это был клад «до востребования», т.е. он был чётко привязан к неким местным (а может быть даже и рукотворным) ориенти-

рам, и бочки прятались с тем расчётом, чтобы их можно было впоследствии отыскать без особых проблем.

— Однако, — подумал я тут же, — в таком случае у последующих кладоискателей (а у наших современников и подавно) нет ни малейшего шанса отыскать данное захоронение. По идее совершенно ничто не мешало смоленскому гражданскому губернатору Казимиру Ивановичу Ашу или его преемнику успешно отыскать обе бочки и прославиться тем деянием на всю громадную Российскую империю. Ведь в его распоряжении было главное — непосредственный свидетель, который собственными глазами видел, как, что и где именно зарывалось, и к тому же целая армия землекопов в придачу. Пусть поляк запомнил данное место с той или иной погрешностью. Пусть прошедшие годы несколько смазали точность его воспоминаний. Но ведь столь значимые и памятные для него события происходили всего семь лет назад, и сильно ошибиться в определении хотя бы примерного места захоронения г-н Ковалевский не мог никак!

К тому же подумайте сами! Пусть в некотором месте в окрестностях какого-то города было спрятано не 300.000 червонцев, а хотя бы только 50 кг. золотой монеты. Да даже за такой неслабый куш можно было элементарно перекопать указанную поляком площадку вдоль и поперёк, причём не раз. Ведь недаром же было дано указание выставить караул, который, разумеется, не столько охранял некий мост (или место), сколько бдительно следил за тем, чтобы посторонние за зиму не попытались вытащить и расхитить принадлежащее государству золотишко.

Кстати, ради большей информированности читателей не помешало бы мне прямо сейчас прояснить вопрос о том, сколько же весили спрятанные бочонки. Червонец, — прочитал я в энциклопедическом словаре, — в обиходе 19 в. — 3-х рублёвая золотая монета весом до 3,9 гр. Следовательно, если 300.000 рублей разделить на номинал монеты (3 рубля) и умножить на вес одной монеты, которая даже в потёртом виде весила не менее 3,5 граммов, то можно легко сосчитать, что вес лишь одного бочонка был никак не менее 180 кг.

— О-го-го, вот это чушки! — искренне поразился я. Как же кассир Ковалевский с ними управлялся в одиночку? Вопрос был, как говорится в подобных случаях, на засыпку. Предельно ясно, что без нескольких дюжих помощников он даже не смог бы сгрузить их с телеги. И значит, при сокрытии столь массивного клада наверняка присутствовало ещё несколько человек, которые ему помогали. Это обстоятельство резко меняло дело, и не в самую лучшую сторону. Впоследствии я объясню, почему.

Следующее письмо из Санкт-Петербурга пришло как-то совершенно неожиданно. Большой и увесистый почтовый конверт ясно указывал на то, что в нём содержится нечто совершенно необычное, во всяком случае, не простое письмо, в обычном случае легко укладываемое в единственный листок бумаги. В конверте к моему удивлению находилось не только всё собранное в архиве **«Дело №1637 о двух бочонках зарытых у г. Красного»**, но и копии современной карты, а так же довольно точный рисунок конкретной обстановки в том месте где, г-ном «П» производились поиски. Кроме всего прочего были приложены и панорамные фотографии некой унылой речной долины. Что и говорить, работа коллегой из Санкт-Петербурга была проделана просто колоссальная. Оставалось лишь взглянуть на результаты его трудов непредвзятым взглядом и... вынести свой вердикт.

Но чем больше я изучал присланные документы, тем больше сомнений закрадывалось в мою душу. Буквально всё указывало на то, что мой корреспондент роковым образом ошибался, пытаясь что-то такое это такое отыскать вблизи деревеньки с названием... Гребени! Заинтригованы? Я тоже был заинтригован и поэтому перечитал все присланные им документы ещё по два раза кряду. Итак, вот какая вскоре развернулась предо мной картина. Начну описание её с адаптированного на современный язык старинного официального документа:

**ГОСПОДИНУ УПРАВЛЯЮЩЕМУ МИНИСТЕРСТВОМ
ПОЛИЦИИ**

«С получением вероятного сведения, что у города Красного близ Гребли во время бегства французских воинов зарыты в землю два бочонка золотой монеты заключающих не менее трёхсот тысяч червонных, одоляюсь донести об этом Вашему Сиятельству и распоряжений моих, сопровождающих данное открытие».

Писарь Мерлинской волости польский дворянин Петрашкевич, который по секрету 4-го сего ноября сообщил Правителю (начальнику) Канцелярии моей, известному оному как близкий ему помещик в г. Красном и его Петрашкевича местопребывания его Польского Царства Дворянин Ковалевский служивший при этих французах и находившийся при зарытии означенных бочонков может указать место содержащие оные. Сей час тот довел до моего сведения сие открытие. По распоряжению моему немедленно и Петрашкевич и Ковалевский при Губернском Чиновнике, Уездном Судье, Городничем и Стряпчем были допущены к поиску. Но расширение и возвышение плотины, которое получила она по очищению Губернии от неприятеля, затруднило точно указать место сокрытия бочонков, к тому положение сильно замёрзшей и покрытой снегом земли затруднили поиск. (Неразборчиво) он нашёл приметы и ручается с появлением весны найти сокровища двух бочонков.

Для охранения того места от всякого прикосновения я предписал командиру здешнего гарнизонного батальона учредить при нём надёжный караул из Инвалидной стражи и строжайше предписать Городничему и указанному Стряпчему тщательно и неупустительно блюсти (неразборчиво) известного уже им места и в неприкосновенности к оному удостоверить меня ежемесячно. В этом случае побуждаюсь всепокорнейше просить содействия Вашего Сиятельства, дабы требуемый мною Военный Караул был устроен надёжно и исправно выполнял свою обязанность.

В заключение не лишним считаю поднести в список отзыв Дворянина Ковалевского». Губернатор (подпись неразборчива)

Далее следовал и сам «список», иными словами докладная господина Ковалевского, который явно в несчастливый час и видимо во время дружеской пирушки проболтался о кладе своему нескромному на язык одноплеменнику Петрашкевичу.

«Список с объявлением дворянина Польского Царства Ивана Ковалевского».

На сих днях объявил я Дворянину Игнатию Петрашкевичу, что в городе Красном близ самого моста на дороге к городу Смоленску устроенному, положено золотой монетою два бочонка, из дивизии французского генерала Габерта за границу везённого, в последних числах Октября месяца 1812 года, почему Петрашкевич с дозволения Начальства и отыскивал деньги сии; но по неимуществу его и неудобству времени, от продолжения поисков отказывается, а потому прошу покорнейше Вашего Высокоблагородия, исходатайствовать у главного Начальства позволения, чтобы поиски сего золота начатые в неудобное время Петрашкевичем, оставить до апреля месяца будущего года, и до того времени предписать Краснинской Градской и Земской полициям иметь строгий надзор, дабы никто из сторонних немочь отыскать того золота в объявленном месте, помимо меня или его Петрашкевича, и притом прошу покорнейше заверить Главное Начальство, что истину моего объявления о сокрытии сих денег, я утверждаю тем, что сам был при поклаже оных, ибо служил в то время во французской Армии при оной кассе: и не имею слухов ни в городе Красном, ни в другом каком-либо месте, что бы сей день они были уже вынуты и что все приметы мною кладенные сысканы по обликам их, я непременно надеюсь, что положенное при мне золото, и казна получит значительную часть денег сих.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.